

Михайло проснулся, почував, что сильно зябнут ноги. Потянулся, потёр заросшее лицо и спрыгнул с печи. Остывший дощатый пол обжёт ступни холодом. Взглянув на электронный термометр, заклинивший от грандиозного минуса, Миша засуетился. Ухая и эхая, присел пару раз, помахал руками, размялся. Убрал заслонку печи, дунул, прикрыв глаза от золы. Где-то глубоко в печи ещё алели угольки. Михайло обрадовался –

не придётся тратить спичку.

Перетаптываясь на холодном полу, Мишаня перекрестился и прошептал обычную свою молитву: «Господи Всевышний, молю тебя, приведи ко мне 732-ой экипаж космолайнера «Свобода», туристического космофлота России. Дай мне, Господи, удавить гада проклятого Клима Андрейкина, а потом меня хоть в пекло сунь, а его на райскую поляну. Боле не прошу ничего. Спасибо тебе, Господи».

Натянув штаны, Мишаня нацепил грубо сшитые меховые шлёпанцы, накинул шубу и нажал на кнопку. Вжикнув механизмом, электродверь отворилась. Михайло каким-то чёртом умудрился открутить её от спасательной капсулы и присобачить к избе. С улицы окатило таким лютым холодом, что Миша, громко ухнув, скрючился. Набрал с поленницы под навесом охапку дров и юркнул обратно в избу. С треском переломил об колено несколько лучин. Бросил на тлеющие угольки щепотку «берестушки» и поддержал вспыхнувший огонёк лучиной. Через несколько минут печка гудела и потрескивала не хуже китайского микроядерного движка на больших оборотах.

Михайло влез в кальсоны и через голову натянул свитер. Натянул унты, накинул волчью шубу с капюшоном. Это называлось «одеться наскоро», когда собираешься ненадолго выйти на мороз. Взял кастрюлю, топорик и пошёл в «холодильник». Холодильником назывался большой ящик, сколоченный из самопильных досок, крышка которого была придавлена двумя мешками, набитыми крошеным льдом. Михайло скинул мешки на землю и отодвинул крышку. Отдолбил топориком несколько кусков смёрзшегося оленьего мяса и бросил их в кастрюлю. Закинув мешки на место, он пошёл обратно. Снег хрустел под ногами, вкусно пахло дымом. Мороз так беспощадно драл ноздри и глотку, что вышибало слёзы.

На Эдем улетело 99% населения земного шара. Планета Земля, подарившая жизнь человечеству, была травмирована и в итоге – брошена. В столицах остались остатки чиновничьей касты, по одному человеку на страну. Их назначили управляющими. Что-то типа смотрителя сельского музея, который и директор, и сторож, и все сотрудники в одном лице. На Эдем улетели даже бомжи. «Пассатный климат, отсутствие плотоядных хищников, живописные просторы». Правительства взалёб пели, как там хорошо, раздавая гражданство налево и направо, а на деле просто заманивали рабочую силу для сборки дроидов.

Михайло бросил большой кусок мяса в деревянную миску и поставил на подпечек. Зачерпнул из бочки в кастрюлю воды и сунул её ухватом в печь. Вынул из подпола мешок с картошкой, принялся чистить, срезая тоненькие-тоненькие спиралевидные очистки. Пока чистил кар-

тошку, напевал отчего-то вспомнившийся гимн России. Во сне ль чего привиделось?

Михайло не понимал, в какой стране он находится. Территориально, конечно, в России, в Сибири, в тайге по течению Тункуски, 400 км от Ванавары. 6000 км до Москвы. Но прежние границы остались только в старых атласах, гниющих в заброшенных школах. Нынешняя Россия – это несколько сот миллионов квадратных километров на карте Эдема. А здесь осталось не пойми что. Даже как-то совестно за то, что Родина великих русских предков ныне зарастает и разрушается. На улицах Петербурга, по которым прогуливался Пушкин, ныне сор, бардак и запустение. В домах-музеях, где жили и творили великие умы, ныне пируют мыши.

В кастрюльке заклокотал кипяток. По избе поплыл запах мясного навара. На печи пошевелился старый тулупчик, из-под него сначала показалась пятнистая голова с кисточками на ушах. Крепкая, упитанная рысь выгнулась коромыслом, зевнула, посмотрела на Михайло сонным взглядом. Спрыгнула с печи и, рыкнув, потёрлась мордой о его колено.

– Не оттаяли ещё харчи твои, – отпихнул он зверюгу, помяв пальцами кусок мяса в деревянной миске. – Ну, не рычи! Уйди, кому говорю, зараза такая, ошпарюсь ведь!

Михайло вынул кастрюльку и аккуратно ссыпал в неё с дощечки нашинкованную картошку, морковку и луковицу. Достал с полки мешочек, распустил вязки и сыпанул горсть сушеных трав-приправ. После чего кастрюлька была отправлена обратно в печь. Рысь сидела и недовольно сверкала жёлтыми глазами. Миша нашёл её года три назад, совсем еще котёнком: наткнулся у озера. Видимо, тавенские подростки забили её мамку, истощённую родами. С тех пор Лиза, он назвал зверя в честь своей кошки, отъелась не по-детски. На мощных боках её блестела и лоснилась пятнистая шёрстка, а кисточки на ушках симпатично подвигались.

– Ну вот, другое дело. Теперь можно, – Михайло взял оттаявший кусок мяса и положил на разделочную доску.

Рысь, учуяв запах крови, поднялась на задние лапы и вцепилась когтями Михайлу в бедро, неотрывно наблюдая за его действиями.

– Куда?! Дай разрежу, а то подавишься, как вчера, – он разрезал мясо на куски, бросил их в миску и понёс к двери.

Рысь трусила рядом, и когда Михайло нагнулся, чтобы поставить миску на пол, она ударила его лапой по руке. Мясо рассыпалось по полу, рысь с голодным рычанием схватила первый упавший рядом кусок.

– Ах, ты ж, псина! – Михайло схватил её за ухо, выкрутил его и хотел вырвать кусок мяса из звериного рта, но ему это не удалось.

Лиза стиснула челюсти так, что хоть домкратъ. Михайло хлопнул

неистово рычавшего зверя по морде и ещё сильнее выкрутил ухо. Взревев, рысь вцепилась когтями ему в руку, забила задними лапами его по груди. Свитеру весьма и весьма досталось. Лиза разорвала двойную толстую шерсть, как бумажку. Но вовремя поняла, что чем больше она молотит лапами, тем сильнее Михайло выкручивает ей ухо.

– Психовать на меня будешь?! – он хлопнул её по морде и откинул к стене.

Рысь, увидев, как человек встал перед ней на ноги, прижалась к полу и, оскалившись, плаксиво заревела. В её взгляде читались и трусость, и ненависть, и любовь – всё сразу. Будто она думала: «Дай мне спокойно пожрать! Вот пристал-то!»

– Скотина! – рявкнул Михайло, осматривая изодранный свитер. – Психует она! Дрянь!

Он взял с полки моток капроновой нити с иглой, стянул свитер и принялся чинить, недобрый взглядом поглядывая на рысь и отпуская в её адрес матюки. Та, наевшись, будто бы с безразличием подошла к нему, села рядом, и, облизываясь, следила за его руками. Затем потерлась мордой об коленку.

– Что, гадина? Свитру мне кто порвал, а? – с обидой спросил Михайло, разглядывая шов на просвет. – Вон что! Дырка на дырке!

Рысь пободала головой его бедро и растянулась перед ним на полу. Будто бы говоря: «Ну, я порвала, но ведь женщина, и я жрать хотела! Зато сейчас смотри, какая я благодарная, какая к тебе дружелюбная!»

– Ай, ты, – с улыбкой потянул Михайло, потрепав рысь под подбородком. – Ай ты, хитрюга!

Та, в знак покорности, зажмурилась, замурлыкала.

– Ладно, иди-ка. На работу тебе пора. Вставай-вставай. Сработай хоть бы зайчика, – Михайло выпустил рысь на улицу и захлопнул дверь.

Лиза прошлась по двору, обнюхала свои владения, в два прыжка перемахнула через забор, обнесённый частоколом, и бесшумно скрылась среди заснеженных елей.

Михайло завтракал в полной тишине, разглядывая узоры на окне, тронутым морозом. На стене рядом с окном на ржавом гвозде висел космопропуск третьего уровня. На нём чисто выбритый, улыбающийся парень на фото и надпись «Яров Михайло Прокопьевич, бортинженер, к-л «Свобода» ГТРФ». Совсем непохожий на этого густо заросшего мужика с перепачканными смолой руками.

Миша хлебал мясной суп, заедая драниками. Пока ел суп, поспел чайёк. Михайло сначала наполнил термос. Затем, плеснув себе немного в кружку, он взял с полки книжку, нацепил очки и прокашлялся.

Попив чайку, он поднялся и отправился в подсобку, пристроенную к избе. Брага бодро побулькивала во флягах. Скоро Оська приведёт «делегацию» из тавенской деревеньки. Надо обязательно выгнать самогон на этой неделе. Если самогона не будет, тавенцы рассердятся. Избу подпалить могут. Мишаня проверил брагу, попробовал на вкус, устремив взгляд в потолок, причмокнул языком. Брага вызрела, можно на днях варить самогон.

Миша снял с подставки плазменное ружьё, щелкнул предохранителем. Раздался звук, похожий на звук фотовспышки – пи-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и. Давление в плазмобаллоне упало до 0,1 кроны, всего-то на десяток выстрелов. Михайло вздохнул. Это ружьё было единственным его цивилизованным оружием. За пару свеженьких плазмобаллонов он готов был отдать все меха и украшения, которые тавенцы иногда меняли на «горячую воду».

Михайло надел шерстяной воротник, душегрейку на заячем меху. Вторые штаны, теплые носки, унты. Напялил шубу с высоким воротом, на груди которой было прилеплено замызганное старое удостоверение члена экипажа космолайнера. Завязал под подбородком уши соболиной шапки. Закинул на плечо лом в чехле, взял рюкзак со снастями и плазменное ружьё.

Снежок приветливо захрустел под ногами, когда Миша вышел за ворота, подперев их бревном. Не спеша направился к озеру, размышляя о Маугли. Он прочитал эту книгу раз сто. В избе было примерно два десятка бумажных книг, около тысячи аудиокниг и примерно тысяч двести электронных книг на ридере. Аккумулятор ридера сдох давным-давно, электричество, вырабатываемое темперезонансной «зарядкой», пришлось ему не по вкусу. Вместе с ридером сдохло и разнообразное чтение. Остался лишь десяток бумажных книжек, которые Михайло прочитал месяца за два и знал все наизусть.

Добравшись натопанной тропкой до озера, Мишаня пошёл к проруби. Она была накрыта бурой блестящей плёнкой – «грелкой» на солнечных батареях. Грелка, видимо, не знала, что день через день температура будет падать до пятидесяти ниже нуля, а то и ниже. Поэтому кое-какая корка льда, сантиметров десять, всё же намерзала.

Михайло снял варежки, сбросил рюкзак, убрал грелку, расчехлил лом и принялся долбить прозрачный, словно хрусталь, лёд. Затем выловил сачком осколки, чтоб не мешали. Достал из рюкзака удочки: древнюю кивковую с трескучей катушкой и вполне цивилизованную, на магнитной тяге, похожую на сковороду. «Магнитку» Михайло не любил и называл её бессовестной вещью. А простую, кивковую, уважал. На такую ещё его дед

удил. Мишаня вынул складной стульчик и установил его на краю проруби. Затем обнёс седалище по кругу слаженной из пихтовых лап и веток защитой от ветра. Насадил мучного червяка, плюнул на мормышку по древней рыбацкой традиции и опустил крючок в прорубь.

Рыбе зимой не хватает кислорода, и некоторые окуньки нет-нет, да всплывали поздороваться. Мишаня смотрел на их круглые рты, осторожно потягивающие, будто кипяток, воздух с поверхности. Поверхность проруби из-за маленьких льдинок выглядела, словно бы шершавое зеркало, в котором отражались плывущие по синему небу облака. Окунь клевали облака, высывая рты, будто из зазеркалья.

Кивок задрожал. Михайло затаил дыхание и прищурился. Раз... два... три! Он резко подсёк и затрепал катушкой. Спустя мгновение у его ног барахтался упитанный краснохвостый окунёк. Вскоре клюнул такой же королевич в красных сапогах.

Больше двадцати минут кивок не шелохнулся ни разу. Михайло осторожно положил удочку, прижал её ногой, чтоб рыба в воду не утащила, и достал термос. Стянул зубами варежку, отвинтил крышку-кружку и поставил на снег, затем с характерным чпоком вынул пробку и налил в крышку-кружку горячего чаю. Попивая чай с привкусом термосовой пробки, Мишаня улыбался и ахал. Пить горячий чай на морозе просто скажочное удовольствие, только делать это нужно поспешно, иначе он быстро остывает.

Неподалёку послышался чей-то рык, и Мишаня, бросив кружку, вскинул ружьё и щёлкнул предохранителем, а уж потом только посмотрел сквозь прицел на причину шума. К его рыболовному седалищу бежала Лиза. Вернее, пятилась и волокла за собой пушистую белую тушку.

«Ай, моя ты девонька! Зайчика сработала!» – Михайло поднялся, поставил ружьё, взял окуня и пошёл навстречу рыси.

– На, на, моя хорошая, – Мишаня бросил рыбку, и Лиза поймала её на лету. – Дай-ка мне. Погоди-ка... Да это... никак песец?!

Михайло держал Лизкину добычу на вытянутых руках и с восхищением рассматривал. Ай да добыча. Шапку с такого зверя сшить – тавенским царём сразу станешь! Луноликие ниц падут! Да-а-а, песец – гость из заполярья. Редкий гость. Первый песец за десять лет. Ничего не поделаешь, надо на «магнитку» быстренько рыбы надёргать и идти свежевать Лизкину «работу».

Михайло сложил кивковую удочку в рюкзак, взял «магнитку». Покрутил генератор сверху, щёлкнул включателем, в прорубь тут же булькнули три кристаллических риппера-виброхвоста. Маленькие, медленнодвигающиеся приманки с вибрирующим хвостом. Мишаня установил

глубину четыре метра. На такой глубине хорошо берёт, видеть, виброхвост бликует хорошо, заметно. За такую добычу окуни дерутся.

Немудрено, что клюнуло почти сразу. Миша установил глубину на ноль, и магнит потянул криталл на поверхность. Криталлические наживки поднялись вместе с окунями, которые их проглотили. Выловив рыбу сачком, Мишаня принялся собирать снасти. Лиза, пользуясь моментом, слямзила одного окуня вместе с криталлической наживкой и незаметно от Мишани сожрала его. Миша пошёл в избу, неся песка под мышкой и слегка придерживая его второй рукой.

– Ну, пошла вон! Что делаешь?! Дура совсем?! – прикрикивал он на рысь, трусящую рядом и хватающую зубами песка за болтающийся хвост.

Пришедши в избу, Михайло первым делом подбросил дров в печь. Ещё раз сходил к озеру, принёс два ведра воды и вылил их в бочку в углу. Разделся, положил унты и варежки сушиться на подпечек. Верхнюю одежду бросил на печку. Набрал ковшом теплой воды из припечного бачка и помыл руки. Ослабивши пояс на штанах, пошёл в подсобку, прихватив с собой таз тёплой воды. Подвесив тушку за задние лапы, освеживал песка с большой осторожностью, поминутно ополаскивая руки, чтобы не повредить меха. Растянув шкуру на сушилке, натёр её хорошенько крупной гавенской солью. Затем вымыл руки и вернулся в дом. Рысь, разлегшаяся на печи, зарычала, поднимая голову – из подсобки пахло псиной. Такое мясо Лиза будет есть только с большой голодухи. Провозившись с песцом, Мишаня позабыл об обеде.

– Ну не рычи, не рычи, – Михайло гладил рысь, а та, чужая песка, хватала за руки зубами, порой довольно больно. – У, как дам кулаком-то в морду! Чего это у тебя, ну-ка покажи? Цапнул он тебя за брылу что ли?!

Миша хотел было рассмотреть рану, но Лиза больно куснула его за запястье, ударила лапой по руке и зарычала.

– Опять ремнём тебя вязать? – он отошёл от рыси и, почесав голову, потянулся. – Ладно, поужинаем, и мазью намажу. Стареешь, что ли? Эх, ты! В следующий раз сядут на тебя верхом глухарь да ворона и поедут по лесу хвастаться.

Мишаня пододвинул баночку со смоляной мазью глубже к огню, а сам накинул шубу и пошёл в баню. Печь в бане стояла всегда готовая к топке. Затапив печку, он проверил чан под горячую воду, не пуст ли? Банька протопится нескоро, часов через шесть. Миша взял из «холодильника» кусок оленьего мяса для Лизы и, перекидывая его из руки в руку, вернулся в избу.

Лизка лежала на печи, лизала лапу и утирала морду. Брыла её пра-

вая вспухла, и рысь непрестанно облизывала её языком изнутри и снаружи и тихонько ворчала. Миша выхлебал миску супа, съев пару крупных ломтей мяса. Взял лавочку и прошёл к окошку, где стоял небольшой столик с выдвижным ящичком. Он сел за столик и извлёк из ящичка пухлую кожаную папку. Открыв её, достал пачку исписанных листов. Нацепив очки, Мишаня пробежал глазами по строчкам.

– Ага, – кивнул он, взял карандаш и не спеша начал царапать на бумаге строчку за строчкой.

«Таёжный атаман, скрипя зубами, продирался сквозь бурелом. И хищник зубастый, и мелюзга – убирались кто куда, ибо понимали, что зол атаман таёжный. Вышел он на опушку, упёр руки в бока. Солнце, бог знает как, пробило толщу серых облаков, чтобы одним глазком взглянуть на таёжного атамана, и упал луч солнца прямо на то место, где стоял атаман. Черкеска на нём была чёрная, как не бывает черно ни под землёй, ни на небе. Поверх её башлык. Газыри светились звёздным светом, будто одна из звёзд была расплавлена, и из её тела были отлиты они. Шаровары чёрные с огненным полулампасом. Папаха из меха зверя самого лютого, с солнечным верхом. Из кусков солнца выкованные погоны. Вышел таёжный атаман, выхватил саблю вострую, ледяную, и крикнул на весь мир:

– Где ты, Враг, гадина ты?! Куда завёз ты мою любимую жену и сына моего малого?!

В ответ Врагжирнопузый лишь захохотал с неба, куда таёжный атаман не мог забраться, и плюнул на него сверху...»

Михайло снял очки, положил их на стол, а сам выглянул в окошко. К избе шёл Оська, метис, родившийся от русского и тавенки. Когда некоторые стратегические ресурсы Земли истощились, а Эдем ещё не был открыт для всех, был в здешних местах геолог, производивший разведку. Как там было на самом деле никто не знает. У тавенской девки в семье, где он жил, родился Оська. Тавенцы народ очень суровый, раз случилась такая оказия – отец должен остаться в семье и воспитывать сына. Геолог, было, согласился, да через какое-то время наострил лыжи. Тавенцы его догнали и надрезали сухожилия, чтоб больше и не думал бежать. Три года он жил с тавенцами, пока не провалился под лёд по зиме. Кроме Оськи в тавенской деревушке русского языка больше никто не знал.

– Михаила, здравствуйте, – тавенец зашёл в избу.

– Здоров, Оська, – ответил Мишаня, вышедши к нему. – Озноб? Садись, чаю сейчас налью.

– Ты, Михаила, прав, – Оська стянул шапку с круглой чернявой своей головы. – Озноб я, да. Тайвэ спрашивал, когда горячая вода будет? Ты обещал на новую луну.

– Завтра вечером приводи своих алкашей, – с улыбкой ответил

Миша. – Бутылки у всех целы? Не испортили?

– У Четке бутылку смотрели. Бежит. Четке смолу варил и замазывал. А у всех целые.

– Ну, смотрите мне, – Михайло подал Оське кружку брусничного чаю. – Как у вас дела там?

– Хорошо дела, – ответил чернобровый тавенец, громко цедя чай.

– Очень хорошо. Через два дня твой праздник Новый год. Оська помнит. Оська тебе принесёт в мешке мечту, а ты Оське тоже, да? Оська помнит.

– Угу, – Михайло кивнул. – Не мечту, а подарок. Бабу мне подари. Бабу очень надо. А то притащишь опять рога оленьи – на кой хрен они мне?

– Нет, – замотал головой Оська. – Бабу нельзя, бабу Тайвэ не разрешит Михаиле дарить, да. Нельзя. Ваймак ты. Тайвэ сказал всем.

Когда Михайло только «поселился» в здешних краях, тавенцы даже убить его помышляли. Но как-то судьба распорядилась, что Оська услышал батькину речь и повадился в гости ходить. Раз выпил самогону и всё рассказал Мишане про затею своих сородичей. Накатив с литр «топлива», Михайло взял банку самогона, плазменное ружьё и пошёл к местному старосте Тайвэ на разборки. Показав в деревне силу своего оружия, которое, впрочем, тавенцы видели и раньше, он сказал, что убьёт любого, кто осмелится подойти к его избе без Оськи. Затем до утра пил самогон со старостой и тремя лучшими охотниками. Напившись, что называется, в дрова, тавенцы решили его не убивать. Но взамен он должен был каждый месяц снабжать их самогоном в количестве десяти литров в обмен на еду, меха и разные вещи. Тавенцы прозвали его меж собой «ваймаком», что ближе всего переводится с тавенского как «чёрт».

Оська спросил, с чем приходиться его землякам для обмена. Михайло заказал перво-наперво вяленого и копчёного оленьего мяса, рыбы, мороженной, вяленой и копчёной, картошки, морковки, лука, ягод мороженных и сушеных. Всего этого было у тавенцев в большом достатке. Оська, прикрыв один глаз, вторым глядел в потолок и загибал пальцы, стараясь всё запомнить.

– Ну, давай. Иди. У меня ещё дел куча, – сказал Миша, вспомнив про баню. – Про Новый год не забыл, молодец. Вечером приходи, выпьем. Я и подарок тебе приготовил...

Михайло соврал. Он ещё не приготовил подарка, но про себя отметил, что надо бы серьёзно этим заняться. Оська как-никак единственный его друг. Лицо тавенца просияло. Он улыбнулся, сверкнув широкими белыми зубами.

– Хорошо, Михаила. Подарок! Праздник! – сказал он, нахлобучивая шапку и затягивая капюшон.

Оська ушёл, Михайло закрыл за ним ворота. Он посмотрел на свою избу и двор, на мощёные тонким бревном тротуарчики, на частокол, козлы от медведя и пужало от волков – на всё, что выстроил за долгих пятнадцать лет заточения в глухом сибирском краю. Вдохнул глубоко, посмотрел на небо. Где-то там, на Эдеме, бегают сейчас босой по зелёному полю под двумя солнцами его сын... Какой там бегают – сыну сейчас уже двадцать три года. Стал он капитаном лайнера, как и мечтал в детстве?

Вернувшись в избу, Миша скинул на печь лишнюю одежду, накинул тулуп, сунул под мышку бутылку с холодным отваром шиповника и отправился в баню. Забрался по приставленной лестнице на крышу и снял с перекладины веник. Две трети берёзы и треть можжевельника. Только он отворил дверь, как его тут же окатило паром, и в нос ударил неповторимый запах русской бани. Аромат разопревшего дерева, смолы и берёзового веника.

Попарившись хорошенько, Мишаня выскочил на улицу и, осмотревшись, обтёрся снегом. Заскочив обратно, он поддал парку и пропарился так, что в глазах поплыло. Обмывшись, он наскоро вытерся, накинул тулуп и отправился в избу. Банный день, как говорится, он у русского человека в крови. На столе тут же появились солёные грузди и рыжики, копчёная рыба, два ломтя отварного мяса. Подкинув в печку дров, Михайло достал пойманных окуней, выпотрошил их, посолил, приправил лучком и травами и завернул в термоплёнку. Получившийся свёрток он положил в сковороду, покрошил туда картошки, дождался, когда прогорят дрова, и поставил сковороду на угли.

Переделав все мелкие дела, Миша глядел в окно и, качаясь на лавке, боролся с желанием выпить.

– Ну, ведь грех не выпить! Банный день как-никак, да депресняк какой-то, чую, наваливается, – говорил он сам себе. – А с другой стороны завтра самогон варить, встать до зари надо. Встану? Да встану! Будильник поставлю на двери.

Если на двери поставить таймер, то в назначенное время она откроется, и в доме будет такой дубак, что и мёртвый подскочит. Мишаня это смекнул и когда-то подтвердил догадку практическим путём. Даже если встанешь и закроешь дверь – уснуть в таком холоде уже невозможно.

На столе, будто царица среди придворной челяди, появилась двухлитровая бутылка рябиновки. Михайло полюбовался ею, вдохнул и, взяв королеву в руку, вывинтил берестяную её корону.

Выпив, тут же плеснул ещё полстакана, дыхнул, намахнул и заку-

сил хрустящим груздочком. Внутри будто взошло солнце, дыхание сделалось горячим, по венам побежала радость. Миша потянулся, снял со стены гитару. Играть толком он не умел, поэтому положил гитару на колени на манер гуслей. За долгие годы он наловчился играть, зажимая лады перегоревшей лампочкой, водя ею по дорожкам. И у него выходил такой своеобразный блюз. Немного грустный, немного обнадёживающий, и до боли живой. Смахнув слезу, Мишаня отложил гитару.

– Эх! – крикнул он и усмехнулся. – А по третьей, да, Лизк? Эх ты, кош-ш-шарка моя, а!

Как-то незаметно ушло чувство одиночества. Мишане казалось, что всё вокруг составляет ему компанию, всё веселится вместе с ним. Взять хоть прохудившийся сапог или морозные узоры на стекле, да любую вещь – казалось, все вещи в избе согласны с Мишей, разделяют его мнение и радуются, глядя на него. И будто за стенами избы не заглохшая таёжная опушка, а живое и многообразное общество. Миша радовался, но недолго. Вскоре будто очнулся. Тишина и тайга. Он ударил кулаком по столу.

– За что же?! – на глаза его навернулись слёзы, он уткнулся в ладонь, искривил губы и затрясся. – За что мне всё это?

После следующих двух стаканов, выпитых один за другим, последовал разговор с Богом. Михайло часто разговаривал с Богом, пьяный ли трезвый, начиная разговор словами: «Господи, вот объясни...» или «Господи, а послушай-ка вот что...» Мишаня беседовал с собственно нарисованными святыми образами, возле которых при разговоре зажигал махонький огарок свечи, будто от этого зависело, слышит его Бог или нет. В это время рысь прыгнула с печи и поскребла лапой входную дверь, что означало на её языке – пойду-ка я прогуляюсь перед сном. Мишаня её заметил, но, как любой русский пьяный мужик, воспылал горячей любовью к ближнему существу и выпускать её на улицу не торопился. Вместо этого он взял бутылку и уселся на полу рядом с целью выпить и поговорить с единственной живой душой.

– Вот ты меня любишь, Лизка, а? – спросил Михайло, опустив голову. – Я ведь тебя котёнком нашёл, – он расплылся в улыбке и засопел, – ма-а-а-а-ахонькую, с руковичку.

Рысь смотрела с подозрением, с нарастающим беспокойством рычала и отодвигалась, поглядывая на дверь, царапая её вновь и вновь.

– Да любишь ведь, я знаю... – сказал Миша, осушив стакан. – Ведь у меня кроме тебя нет никого, и у тебя ж так, да? Ну, улыбнись! Ну!

Мишаня, улыбаясь, теребил звереющую рысь за загривок, за ухо, что-то там писал ей заплетающимся языком. Наконец, рысь не вытерпела

и с громким рыком тянула зубами его за руку. Спяну-сдуру позабыл совсем, что Лизку песец грызнул, и, видимо, он схватил её за раненую брылу.

– А-а-ах, ты дря-а-ань! – заорал Михайло, прижимая руку к груди.

– На кормильца кинулась!

Кровь хлестала красная-прекрасная. Миша больше испугался громкого и неожиданного рыка, чем укуса. Он вломился в подсобку, своротив по пути шкафчик с мелким инструментом, банки, горшки, разную хозяйскую утварь.

– Где ты, убью! – схватил плазменное ружьё и вернулся в избу. – Выла-а-а-азь, падлюка!

Лизке с детства частенько приходилось лицезреть пьяного Мишу, и прятаться она научилась отменно. Причём отыскала такое укромное место, что и найти её нельзя было.

Михайло, однако, намахнув ещё стакан, вылез на улицу. Ругался матом, пел, стрелял во все стороны из ружья, орал что-то, грозя звёздному небу кулаком. Наконец, выбившись из сил, он зашёл домой и рухнул на пол, не добравшись до печки. Из проёма в полу за печкой вылезла Лизка. Она долго присматривалась, спит ли Мишаня или притворяется? Осторожно выбралась из убежища, изогнулась для прыжка, перетаптываясь задними лапами, приоткрыла рот. Прыгнула на печь, глянула сверху на хозяина и забралась под тулуп.

Мише снился тот роковой день. Обмывали начало нового сезона и капитальный ремонт космолайнера. Клим притащил раздобытый где-то литр текилы. Пили вдвоём, остальные уже разбрелись по своим рубкам. Лайнер на малом ходу парил над Сибирью. Клим сидел сам не свой; то внезапно становился агрессивным, то подолгу молчал. Но, когда Михайло собирался на боковую, Клим вдруг веселел, щебетал соловьём и наливал ещё по стакашке.

– Я люблю Олесю! – вдруг выпалил он, впившись взглядом в Михаила. – Не мешай нам быть вместе.

– Чего?! – опешил Мишаня, медленно поднимаясь на ноги. – Ты оборзел что ли?!

– Мы ещё с лётного встречаемся. Она думала, что сын вас сблизит, не хотела рушить семью, но другого выхода нет...

Михайло чувствовал себя так, будто ему в глотку вставили лом, и он пытается его проглотить. Ярость запульсировала в глазах, в висках, в носу. Кулаки сжались сами собой.

– Сука, да я тебе... – Миша схватил Клим за шкуру, но тот резким движением воткнул ему в ляжку заготовленный шприц.

– Тихо-тихо... – Клим подхватил обмякшего Михаила под руку. – Она сама всё это придумала, даже письмо тебе написала. Вот, – он сунул ему в карман сложенный вчетверо лист, – прочитаешь, когда время будет. Ты слишком крут, чтобы можно было переть против тебя в открытую. Передовик, кавалер ордена молодёжи, гордость нации. Да нас всех порвут за тебя!

Клим открыл дверь спасательной капсулы №2, которую использовали как склад разного барахла, что в России неудивительно. Затем это барахло весьма пригодилось Мише в таёжном краю. Пристегнув Михаила к вертикальному креслу, без чего капсула не отреагировала бы на сброс, он встал в дверях.

– Я сброшу тебя и подчищу хронику в бортовом журнале, – Клим вздохнул и хлопнул Мишу по плечу. – Ну, бывай.

Голова раскалывалась, страшно хотелось пить. Осмотревшись, он поднялся и сел на полу. Электронные часы показывали десять часов утра. Через пару часов тавенцы придут за «горячей водой», которую следовало начать варить ещё в пять утра. Миша вспомнил, что хотел завести будильник на двери, но забыл.

Михайло поднялся, подошёл к кадлушке, зачерпнул ковш воды и выпил его, громко глотая. Поплескал себе на лицо и на шею. Увидел на полу плазменное ружьё с мигающей красной цифрой ноль на боемагазине.

– Ой, дура-ак, – простонал Миша, хватаясь за голову. – Дура-а-а-а-ак...

Пол, стены, стол – всё было в крови.

– Лиза?! Лиза! – закричал он, кидаясь из одного угла в другой.

Из-под тулупа показалась лапа, а затем и сонная морда рыси. Она зевнула и посмотрела на него с таким выражением, будто подумала: «Ну, что? Проспался, алкаш? Прощения, поди, просить будешь, как всегда?»

– Лизка! – Михайло потёрся щекой об морду рыси, и та нехотя его лизнула.

Миша перекрестился, накинул шубу, снял с бесполезного ружья бесполезную же магнитную гранату, сунул её в карман и отнёс ружьё в подсобку. Подкинул дров в печь. Тавенцы проволочек не любят, поэтому нужно идти и просить, чтобы подождали до завтра. Выпустив Лизку прогуляться, Мишаня оделся в дорогу, вынес из подсобки лыжи. Отталкиваясь палками, он медленно побежал по Оськиной лыжне в сторону тавенской деревни. Бежать сначала давалось с трудом, но с каждым ша-

гом, с каждым вздохом шестерёнки организма разогревались, и похмелье помаленьку отпускало.

Пробежав километра полтора, Михайло сбавил ход; до деревеньки оставалось не больше полукилометра. Взобравшись на холм, он увидел, что по лыжне навстречу ему двигаются несколько человек. «Что-то они рано», – подумал Миша, сплюнув.

К большому его удивлению, прозвучала «крякалка», похожая на полицейскую, и грубый мужской голос приказал: «Ни с места!» Первым бежал Оська, а за ним следом двое примитивных дроидов, неизвестно откуда взявшихся.

– Стой! – крикнул Миша, побежав навстречу.

Оська, увидев его, прибавил шаг и закричал: – Беги, Михаила! Беги!

– Стой, кому говорят! Не бойся их! – Миша, взволновавшись, прибавил шаг.

Оська, увидев, что Миша бежит к нему, развернулся, выхватил нож и с криком бросился на дроидов.

Сверкнула кривая дуга электрошокера, и Оська, содрогаясь всем телом, упал на снег.

– Стоять! Ш-ш-шк! Ни с места! – приказал дроид, приблизившись.

Дроиды выглядели, как старые заправочные автоматы на какой-нибудь древней бензоколонке. С латанной-перелатанной ржавой обшивкой, со сколами на сенсорах, с полопавшимися от громогласной военной «крякалки» спикерами. Было видно, что их перепрошили. Электрошокеры и «дыроколы» были прихвачены к конечностям дроидов лазерным припаем. А у одного даже шокер был примотан изолентой. Скорее всего, раньше эти бедолаги были туристическими гидами. У дроидов-гидов начинка смахивает на примитивную военную модель, и любой подпольщик при должном желании сможет поагрейдить первые модели гида до солдата. Немудрено, что таких гидов больше не делают...

– Да стою уж теперь, – Миша приподнял руки.

– Язык идентифицирован. Предъявите документ с мультиграммой для идентификации вашей личности.

– Нету... Хотя, есть, – Миша протянул дроиду замызганное удостоверение члена экипажа, которое болталось у него на шубе. «Хорошо, что не выкинул», – подумал он.

Дроид отсканировал мультиграмму и отдал её со словами:

– Здравствуйте, Михайло Прокопьевич, ш-ш-шк! В случае вашего обнаружения, ш-ш-шк! пять директив. Вы хотите услышать, ш-ш-шк! пять директив?

– Нет. Идём к капитану, – сказал Михайло, поглядывая на Оську, которого второй дроид взял на руки.

Расспрашивать дроидов о том, зачем они гнались за Оськой – бесполезно. Они будут ссылаться на приказы, кодексы, директивы и всякую дребедень. Нужно идти за дроидом, чтобы он привёл к космическому судну, к которому приписан программой. А на судне окажется вполне себе человеческая команда.

По мере приближения к деревушке всё более отчётливо были слышны женские крики, плачь и стенания. Миша держался наготове. Спустившись с холма на прибрежную опушку, они вошли в деревеньку. Дроиды согнали тавенцев в центр деревни и проводили что-то вроде сортировки на мужчин, женщин и детей. Дроиды, не церемонясь, срывали с них одежду, оставляя, в чём мать родила. Рёв и стенания неслись со всех сторон. Неподдалёку высился похожий на самовар старенький космолёт «Прогресс» с российским флагом на обшарпанной обшивке. Работорговцы – к бабке не ходи, так и есть. Обычно рабов захватывают без шума с помощью наркоты и гипноза. Но эти, видать, экономят на всём.

Михайло понимал, что всё закончится в ближайшие минуты. Не эта история с пиратами-работорговцами, а закончится вообще всё это мгновение, длиною в жизнь.

На площадке возле трапа спиной к Мишане стоял, видимо, капитан судна. В стиранном-перестиранном вицмундире, с выцветшими нашивками и аксельбантами, похожими на какую-то паклю. Он кричал хриплым голосом в трубку телефона:

– Готовь бабло! На этот раз улов немалый! Отвечаю! Все долги разом отдам!

Михайло нащупал в кармане магнитную гранату. А ведь думал, что никогда в жизни не пригодится. Капитан повернулся к нему, и лицо его, заросшее и опухшее от алкоголизма, вытянулось от удивления. Мишаня нажал кнопку, бросил гранату под турбины «Прогресса».

– Яров? – прошептал работорговец, оторопев от неожиданности.

За секунду до взрыва Мишаня распознал в косматой опухшей роже когда-то миловидное лицо Климa Андрейкина. Магнитная вспышка вывела из строя часть систем космолёта. Дроиды обмякли и бухнулись на колени, тавенцы бросились кто куда. Сбитый с ног толпой перепуганных женщин, Миша почувствовал, что его что-то кольнуло в шею. И он обмяк в ту же секунду, подобно дроидам.

– Не поверишь, с тех самых пор всегда с собой ношу... – грустно улыбнулся Клим, отбросив пустой шприц.

Он посмотрел на уничтоженный корабль, на перепуганных до

смерти тавенцев, на хрипящего от отчаяния и ярости Михаила.

– Ничё... Ты выжил, и я как-нить проживу, – Клим взял у дроида «дырокол», утёр подмороженный нос. – А ты... Я-то думал, ты подох давно...

Миша обезумел от своей беспомощности перед самым лютым врагом во Вселенной. Об этой встрече он молил Бога целых пятнадцать лет. И что теперь?

– А меня после твоей пропажи попёрли из флота... Ну и ладно, рабами торговать выгоднее. А Олеся таблеток нажралась... – Андрейкин громко втянул в себя соплю и сплюнул. – Ну, – сказал он, взведя «дырокол», – видно, судьба твоя такая, от моей руки умереть...

Дырокол заклинило на морозе. Клим взял его за ствол и размахнулся прикладом, словно молотом. Миша закрыл глаза. «Господи, да славится Имя Твоё...» – пронеслась, было, в голове молитва. Клим вскрикнул, затем послышался звук упавшего тела, возня, отрывистое хищное рычание и хрип. Миша открыл глаза. Андрейкин дёргался на снегу и никак не мог отпихнуть от себя пятнистый комок, со зверской беспощадностью треплющий его за горло.

– Лизка... – прошептал одними губами Михайло. – Лизка, а ну домой...

Миша очнулся, лёжа на мягкой шкуре в тавенской юрте. Несколько пар рук втирали в его тело какую-то вонючую мазь, норовя задеть его за хозяйство. В костре, вокруг которого сидели старейшины и первые из первых тавенских охотников, плясало бойкое пламя. Было очень тепло. Облокотившись на ритуальный бубен, перед костром сидел Оська с перевязанным плечом. Очень-очень старый тавенец что-то втолковывал ему ужасно хриплым голосом.

– Оська... – сказал Михайло, протягивая к нему руку.

– Ой, Михаила проснулся, – он взял его ладонь. – Как у тебя? Всё хорошо? Спи лучше. Тайвэ говорит, ты асани живой. Ты победил железных охотников, упавших с неба. Тебя защищает пятнистый зверь. Ты тоже пришёл с неба, оттуда, где живут асани, великие мёртвые. Ты живой асани. Тавенцы отныне твой народ, а ты первый среди нас. Тавенцы тебе дадут всё, что хочешь.

– А бабу дадут? – прошептал Миша, слабо ухмыльнувшись.

– Тайвэ говорит, у тебя будет три жены, чтобы рожать детей асани.

«Если б я был султан, я б имел трёх жён...» – всплыла у Миши в памяти старая-старая песенка. – «Ладно, разберёмся...»